

Стендаль

**Собрание сочинений в
пятнадцати томах**

**Том 6. История живописи в
Италии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С79

С79 **Стендаль Ф.**
Собрание сочинений в пятнадцати томах: Том 6. История живописи в Италии
/ Стендаль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 576 с.

ISBN 978-5-458-50259-7

Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 6. История живописи в Италии. Стендаль - один из тех писателей, кто составил славу французской литературы XIX века. Его перу принадлежат "Пармская обитель", "Люсьен Левель", "Ванина Ванини", вершиной же творчества писателя стал роман "Красное и черное".

ISBN 978-5-458-50259-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПЛЕНИЕ

Вам известно, что около 400 года нашей эры обитатели Германии и России — люди самые свободные, самые отважные и самые жестокие из всех, каких знает история,—возымели намерение переселиться во Францию и в Италию¹.

Вот черта из их нравов.

На побережье Померании Гаральд, король Дании, основал город, который он назвал Юлином или Йомсбургом. Туда он переселил партию молодых датчан во главе с Пальна-Токе, одним из своих воинов.

Этот вождь, гласит история, запретил там произносить самое слово «страх» даже в минуту самых грозных опасностей. Ни в каком случае гражданин Йомсбурга не мог отступить перед численным превосходством, как бы ни было оно велико; он обязан был драться отважно, не отступая ни на шаг, неизбежность смерти не могла служить для него извинением.

Несколько молодых воинов из Йомсбурга, вторгшись во владение могущественного норвежского властителя по имени Гакон, подверглись внезапному нападению и были разбиты, несмотря на упорное сопротивление.

Самых знатных из пленников победители по обычаю того времени приговорили к смерти.

Это известие не только не опечалило их, но даже

¹ Тацит, Робертсон, Малле.

обрадовало. Один из них сказал, несколько не изменившись в лице и без малейшего проявления страха:

— Почему бы не случиться со мной тому самому, что случилось с моим отцом? Он умер, умру и я.

Когда воин, по имени Торкил, рубивший им головы, спросил второго, о чем он думает, тот ответил, что слишком хорошо помнит законы Юлины, чтобы обмолвиться хоть одним словом, которое могло бы порадовать врагов. На тот же вопрос третий ответил, что он считает за счастье умереть, не обеславив себя, и что свою участь он предпочитает такой подлой жизни, как жизнь Торкила.

Ответ четвертого был длинней и занятней.

— Я охотно готов умереть, и этот миг мне приятен. Только прошу тебя,— прибавил он, обращаясь к Торкилу,— отрубить мне голову как можно быстрее, потому что в Юлине мы часто обсуждали вопрос, сохраняется ли у человека после того, как он обезглавлен, какое-нибудь чувство; вот я и возьму в руку нож: если, будучи обезглавлен, я подниму его на тебя, это будет служить признаком, что чувства я не вполне утратил; если я его выроню, это будет доказательством обратного; поспеши разрешить вопрос.

Торкил, прибавляет историк, поспешил отсечь ему голову, и нож упал. Пятый выказал такое же спокойствие и умер, глумясь над врагами. Шестой предложил Торкилу нанести ему удар в лицо.

— Я не шелохнусь, и ты увидишь, что я не закрою даже глаз, ибо мы, в Йомсбурге, привыкли не двигаться с места, даже принимая смертельный удар; мы между собой упражняемся в этом.

Он умер, сдержав обещание. Седьмой был юноша, весьма прекрасный собой, в цвете лет. Его длинные белокурые волосы ниспадали локонами на плечи. На вопрос Торкила, страшит ли его смерть, он ответил:

— Я принимаю ее охотно, потому что выполнил самый большой долг в жизни и видел смерть всех тех, кого я пережить не могу; только прошу тебя, чтоб ни один раб не прикоснулся к моим волосам и чтоб моя кровь не запачкала их.

Была и другая причина величия этих северных

воинов: они были свободны; но лишь только захватили они Францию и Италию и поделили между собой побежденных, подобно стадам скота, как всюду установились тирания и рабство. Всякая справедливость, всякая добродетель и спокойствие оставили несчастную Европу.

Варвары в течение пяти столетий орудовали здесь столь успешно и феодальное общество к началу XI века превратилось в такое сплетение ужасов, насилий и узаконенной несправедливости, что все — как рабы, так и тираны — захотели перемены. Они вполне могли бы позавидовать американским дикарям, которые жили в таком убожестве.

Около 900 года города Италии, пользуясь положением этой страны, окруженной морем, попытались завязать торговые сношения с Александрией Египетской и с Константинополем. Едва у итальянцев появилось какое-то представление о собственности, как у них родилась и любовь к свободе, столь же страстная, как у древних римлян. Эта любовь возросла у них вместе с богатством, а вы знаете, что в XII и XIII столетиях вся европейская торговля была в руках у ломбардцев (1150). По мере того как они обогащались за пределами своей страны, внутри ее возникало множество республик.

Острый итальянский ум родился благодаря папам. Они заронили в стране семена республиканского духа. Купцы итальянских городов быстро поняли, что бесполезно накапливать богатства, когда имешь над собой господина, который их может отобрать.

В средние века, как и в наши дни, сила заменяла всякое право; однако теперь власть стремится придать своим действиям видимость правосудия. Тысячу лет тому назад самое понятие *правосудия* едва брезжило в сознании какого-нибудь могущественного барона, который, запершись у себя в замке, в долгие зимние дни не прочь был иногда предаться размышлениям. Простые же люди, доведенные до скотского состояния, думали изо дня в день лишь о том, как добыть необходимую для жизни пищу. Папы, могущество которых заключалось лишь в силе некоторых понятий, должны были среди этих выродив-

шихся дикарей исполнять необычайно трудную роль. Так как, чтобы не погибнуть, нужно было проявить ловкость, поэтому и тут, как в других случаях, необходимость породила талант. В этом смысле многие из средневековых пап были людьми выдающимися.

Само собой разумеется, что дело было здесь не в религии и тем более не в морали. Они сумели без физической силы приобрести господство над свирепыми животными, которые только и знали власть силы; вот в чем их величие.

Чтобы стать богатыми и могущественными, им надо было только твердо установить, что существует ад, что туда попадают за известные проступки и что у них есть власть эти проступки прощать. Все остальное в религии должно было лишь подкрепить эти немногие истины.

Мы теперь смеемся над монахами, которые продавали свои индульгенции по кабакам; но мы менее последовательны, чем те, кто их покупал. Отпущение греха убийства стоило двадцать экю¹. Когда сеньеру какого-нибудь города нужно было избавиться от десятка — другого упрямых горожан, он затрачивал четыреста экю и с индульгенцией в кармане приказывал отрубить им головы, уже не страшась ада. Да и чего ему было теперь страшиться? Разве тот, кто продал ему индульгенцию, не был властен *вязать и разрешать* все на земле?² Священник, давший отпущение, мог ошибиться; но оно не теряло силы для того, кто его получал, — иначе не было бы католицизма. Твердой вере в таинство покаяния и в индульгенции следует приписать столь кровавые и столь энергичные нравы итальянских республик. Были индульгенции для более привлекательных грехов, а это уже предвещало грядущее возрождение искусств.

Каждый год Италия видела, как тот или иной из ее городов либо подпадал под иго тирана, либо изго-

¹ Робертсон

² «...И хотя я убил несколько человек, божий наместник простил мне это данной ему властью», — говорит Бенвенуто Челлини, приговоренный к казни, исповедываясь перед собой в 1538 г. (Vita, 1,417, изд. классиков).

нял его за пределы своих стен. Это состояние нарождающейся республики или недостаточно укрепившейся тирании, заискивающей у богачей, наблюдалось во всех самостоятельных городах в течение двух или трех столетий, предшествовавших появлению искусств. Оно придает особенный характер культуре эпохи. Только общественное мнение или религия могут обуздать страсти людей богатых, возбуждаемые досугом, избытком богатств и климатом. Но из этих двух сдерживающих сил первой еще не существует, а вторая сводится на нет покупкой индульгенций и наемными духовниками.

Напрасно, основываясь на холодном опыте наших дней, старались бы мы представить себе, какие бури волновали тогда эти итальянские сердца. Рычащего льва увели из его лесов и принизили до жалкого положения домашнего животного. Чтобы вновь увидеть его во всей его мощи, надо отправиться в Калабрию¹.

Нервная конституция южных народов позволяет им живо рисовать себе муки ада. Их щедрость по отношению к предметам или лицам, признаваемым ими священными, не имеет предела.

Такова третья причина изумительного расцвета искусств в Италии. Нужен был народ богатый, полный страстей и чрезвычайно религиозный. Сцепление редких случайностей породило такой народ, и ему дана была способность испытывать живейшие наслаждения при виде различных красок, нанесенных на холст.

«Родина,— говорит Платон,— имя, столь сладостное для критян». Так же обстоит дело и с красотой по ту сторону Альп. После трех веков несчастий — и каких! — самых ужасных несчастий, которые принижают,— до сих пор еще нигде так, как в Италии, не произносят: «O Dio, com'è bello!»^{2*}.

¹ Итальянцы XIII века имеют аналогию в наше время: это племя афганцев в Кабуле.

² Эти пылкие нравы, основой которых является любовь и религия, существуют еще в одном уголке земного шара; их можно наблюдать в натуральном виде, но для этого надо съездить на Азорские острова (см. History of the Azores. Лондон, 1813).

* О боже, как это красиво! (итал.)

В Европе забвение античного просвещения было полным. Монахи, которых крестовые походы увлекли на Восток, переняли некоторые идеи у константинопольских греков и у арабов, народов хитроумных, для которых наука состояла более в тонкости мысли, чем в точности наблюдений. Так пришла к нам схоластическая теология, над которой теперь так смеются; теология, не более нелепая, чем всякая другая, но требующая — чтобы знать ее так, как знал монах XIII столетия, — крепкой головы, внимания, сообразительности и памяти в такой степени, которую не слишком-то часто, пожалуй, встретишь у философов, глумящихся над ней потому лишь, что глумиться над ней стало модой. Они лучше бы сделали, если бы разъяснили нам, каким образом это школьное воспитание конца средних веков, столь курьезное в том, чему оно учило, но требовавшее от учеников необычайного напряжения внимания¹, породило самое удивительное явление, какое только знает история: сонм великих людей, сразу появившихся в XVI столетии, чтобы распределить между собой все роли на мировой арене.

Именно в Италии обнаруживается этот феномен во всем своем блеске. Всякий, у кого хватит смелости взяться за изучение истории многочисленных республик, добивавшихся свободы в этой стране, на заре возрождающейся цивилизации, будет восхищен одаренностью этих людей, конечно, ошибавшихся, но стремившихся к целям, самым благородным из всех, какие только доступны для человеческого ума. Позже была найдена другая, более удобная форма правления, но люди, вырвавшие из рук королей английскую конституцию, обладали — я решаюсь это утверждать — меньшей ода-

¹ По-видимому, ученику не разрешалось произносить ни одного слова, с которым он не связывал бы точного понятия. Теология и все ложные науки, не имеющие себе прямых соответствий в природе, подобны шахматам. Утверждать, что искусство шахматной игры есть военное искусство, и руководить передвижением войск с шахматной доской в руках было бы ошибкой, чему нисколько, однако, не противоречит необходимость прибегать к целому ряду весьма глубокомысленных комбинаций, чтобы сделать противнику шах и мат.

ренностью, энергией и истинной оригинальностью, чем те тридцать или сорок тираиов, которых Данте поместил в своем аду и которые жили одновременно с ним около 1300 года¹.

Таково во всех областях различие между творениями и творцами. Я охотно готов признать, что самые выдающиеся художники XIII столетия не создали ничего, что могло бы сравниться с цветными гравюрами, которые скромно разложены по земле на наших деревенских ярмарках и которые крестьянин покупает, чтобы склонять перед ними колени. Красноречие последнего из учеников в классе риторики превосходит все то, что дошло до нас от аббата Сугерия или мудрого Абеяра. Сделаем ли мы из этого вывод, что школьник XIX века талантливее, чем самые выдающиеся люди XII? Эта эпоха, в которой история открывает столь изумительные факты, оставила в качестве поражающих нас памятников только картины Рафаэля и стихи Ариосто. В искусстве управления государством — самом поразительном из всех в глазах толпы потому, что толпа восторгается лишь тем, что внушает ей страх, — в искусстве организации сильной державы и руководства ею XVI век не произвел ничего. Это потому, что каждого из прославивших его замечательных людей обуздывали другие, столь же даровитые.

Посмотрите, что совершил недавно в Европе Наполеон. Но, относясь со всей справедливостью к тому, что было великого в характере этого человека, учтите то убожество, в котором пребывали при его появлении на сцену государи XVIII столетия.

Вы видите, как изумление толпы и восторг пылких сердец создали мощь императора французов; но посадите на минуту мысленно на троны Германии, Италии и Испании Карла V, Юлия II, Цезаря Борджа, Сфорцу, Александра VI, Лоренцо или Козимо Медичи; дайте им в министры Мороне, Хименеса, Гонсало Кордовского, Просперо Колонну, Аччайоли, Пиччинино, Каппони — и посмотрите, с той же ли

¹ Епископ Гульельмино, Угуччоне делла Фаджола, Каструччо Кастракани, Пьетро Сакконе, Николо Аччайоли, граф де Вирту и т. д., и т. д.

легкостью летали бы орлы Наполеона к башням Москвы, Мадрида, Неаполя, Вены и Берлина.

Я сказал бы современным государям, столь гордящимся своими добродетелями и взирающим с таким надменным пренебрежением на мелких тиранов средневековья:

«Эти добродетели, которыми вы так кичитесь, всего лишь частные добродетели. Как короли вы ничто. Тираны Италии, напротив, наделены были частными пороками и добродетелями общественными. Эти характеры вносят в историю несколько скандальных анекдотов, но избавляют ее от необходимости рассказывать о жестокой смерти двадцати миллионов человек. Почему Людовик XVI не дал конституции 1814 года? Я пойду дальше: даже эти щедушные добродетели, о которых нам говорят с таким высокомерием, и они у вас вынужденные. Пороки Александра VI свергли бы вас с престола в двадцать четыре часа. Признайте же, что всякому трудно устоять перед соблазном неограниченной власти; но любите конституционный строй и перестаньте глумиться над несчастьем».

Ни один из этих тиранов, которых я беру под свою защиту, не дал своему народу конституции; если не считать этой ошибки¹, невольно любуешься силой и разнообразием талантов, которыми блистали миланские Сфорца, болонские Бентивольо, Пико из Мирандолы, веронские Кане, равеннские Полснтини, Манфреды из Фаэнцы, Риарно из Имолы.

Эти люди, может быть, еще более достойны удивления, чем Александры и Чингисханы, у которых для покорения части земного шара были в распоряжении неисчислимые средства. Одного только им недостает: великодушия Александра, принимающего кубок из рук своего врага Филиппа. Другой Александр, менее великодушный, но почти столь же великий, должен был смеяться от всей души, когда его сын Цезарь ходатайствовал перед ним за Паголо Вителли. Этого властителя, своего врага, Цезарь скло-

¹ *Temporum culpa, non hominum* *.

* Вина эпохи, а не людей (лат).

Здесь и далее примечания редакции обозначены звездочкой.

нил самыми торжественными клятвами к личным переговорам близ Синигальи вместе с герцогом Гравиной. По данному Цезарем знаку герцог и Паголо Вителли пали к его ногам, пронзенные кинжалами; но Вителли, испуская дух, умоляет Цезаря испросить ему у папы, его отца и сообщника, индугенцию *in articulo mortis**. Молодой Асторе, властитель Фаэнцы, славился своей красотой; он вынужден был служить утехой сластолюбивому Борджа. Затем его привели к папе Александру, который велел задушить его. Я вижу, вы содрогаетесь; вы проклинаете Италию. Разве вы забыли, что рыцарственный Франциск I допускал преступления, почти столь же ужасные? ¹

Цезарь Борджа, представитель своего века, нашел себе достойного по уму историка, который при этом, желая посмеяться над глупостью народов, объяснил его душу. Леонардо да Винчи был одно время главным инженером его армии.

Ум, суеверие, атеизм, маскарады, отравления, убийства, несколько великих людей, бесконечное множество ловких и тем не менее несчастных ² злодеев, всюду пылкие страсти во всей их дикой неукротимости — таков XV век.

Таковы были люди, память о которых сохранила история, таковы были, конечно, и частные лица, которые от государей отличались, быть может, только тем, что судьба предоставляла им меньше возможностей.

А теперь угодно вам спуститься с высот истории к мелким подробностям частной жизни? Прежде всего отбросьте все эти благоразумные и холодные понятия об общественной пользе, рассуждениями о которых англичанин заполняет три четверти своего дня. Тщеславие за оттенками не гналось; каждый хотел наслаждаться. Теория жизни еще не была сложна; этот народ, печальный и мрачный, единственной пищей для своих мечтаний имел лишь страсти и их кровавые развязки.

* За минуту до смерти (*лат.*).

¹ Президент д'Оппед.

² Вольтер. Опыт (о правах и духе народов), кн. V.

Раскроем исповедь Бенвенуто Челлини, эту наивную книгу Сен-Симона своего века. Она мало известна, потому что ее простой язык и глубокая рассудительность неприятны писателям-фразерам¹. В ней есть, однако, восхитительные места. Например, начало его связи с одной знатной римлянкой, по имени Порция Киджи²; по непринужденности и чудесной простоте этот рассказ можно сравнить с историей г-жи Базиле, молодой торговки, которую Руссо встретил в Турине³.

Всем известен «Декамерон» Боккаччо. Его цинциповский стиль скучен, но нравы его времени нашли в нем правдивого художника. «Мандрагора» Маккьявелли — свет, который далеко светит; для того чтобы автор этот стал Мольером, ему надо было бы лишь больше веселости.

Возьмем наудачу какой-нибудь сборник анекдотов XVI века. Я говорю здесь всюду, не различая: XV век или XVI; шедевры живописи относятся к началу XVI века, когда в обществе еще господствовали обычаи XV века⁴.

Козимо I, правивший во Флоренции вскоре после эпохи великих художников, слыл счастливейшим государем своего времени; теперь его пожалели бы за его несчастья. 14 апреля 1542 года у него родилась дочь по имени Мария, которая с возрастом проявила все признаки редкостной красоты, наследственного свойства Медичи. Она слишком была любима пажом своего отца, молодым Малатестой да Римини. Старый испанец, по имени Меднам, охранявший принцессу, застал их однажды утром в позе красивой группы «Психея и Амур»⁵.

Прекрасная Мария умерла от яда; Малатеста, брошенный в тесную тюрьму, сумел бежать через двенадцать или пятнадцать лет. Он уже достиг острова

¹ В. Роско и другие, более знаменитые.

² Vita di Cellini, I, стр. 55.

³ «Исповедь», кн. II.

⁴ Удивительное дело! Эпоха расцвета в Италии кончается в тот момент, когда мелких кровавых тиранов сменили умеренные монархи.

⁵ В бывшем Музее Наполеона.